

Жизнь без мамы

Умерла мама в 1990 году неожиданно и чудовищно нелепо. Конечно, к 73 годам у нее накопился целый «букет» различных заболеваний, но не таких, которые предвещали бы ее скорый уход из жизни. Случилось так, что

под коленом у нее образовался абсцесс, и врачи убедили ее в необходимости лечь в больницу. Ногу ей там прооперировали, и вроде бы все пришло в норму, только у нее абсолютно нарушился сон. Снотворными препаратами мама никогда не пользовалась, поскольку у нее на многие лекарства была аллергия, в больнице же после нескольких бессонных ночей ей ввели снотворное, после чего она заснула. Как оказалось — навсегда... Для нас всех это было страшным потрясением и невосполнимой утратой.

Но жизнь продолжалась. Заботу о папе мы с сестрой Мариной полностью взяли на себя и старались, чтобы ритм его жизни оставался, по возможности, таким же, как и при маме. Вся наша большая семья — папа и наши с Мариной собственные семьи, как и прежде, продолжали жить вместе в той же квартире на Звенигородской улице. Вскоре у Марины родилась еще дочка Ирочка, а мой старший сын Алексей женился, так что в квартире нас стало 11 человек — 3 семьи. Папа был у нас, как говорили дети, «всехный». Конечно, при жизни трех семей в одной, даже большой, квартире неизбежно возникают некоторые сложности, но, как известно, «медаль имеет две оборотные стороны», во всем имеются свои положительные и свои отрицательные моменты. Поэтому мы решили не разъезжаться, полагая, что главное в нашей ситуации, чтобы папа оставался в привычной и комфортной для него обстановке, окруженный теплом и заботой любящей его семьи. Нам хотелось, чтобы все мы, как и прежде, были рядом с ним. Жили мы дружно. Дети росли. Кто ходил в детский сад, кто — в школу, кто — в институт, МФТИ или в МГУ. Они вместе играли, общались, старшие воспитывали младших. Несмотря на разницу в возрасте, все они очень дружили и любили друг друга. И по сей день, став уже совсем взрослыми, они, по-прежнему, очень близки друг другу. Все внуки от мала до велика очень любили деда. А он отвечал им полной взаимностью — интересовался их делами, успехами и очень радовался общению с ними. Они часто заходили к нему в комнату по делу, либо просто так, поговорить. Старшие, быстро «поднаторев» в компьютерных делах, помогали ему в случае какого-нибудь сбоя в работе его компьютера. Помню, папа с большим удовольствием, смеясь, рассказывал, как однажды, когда они с внуком Андреем, к тому времени уже студентом МФТИ, искали причину сбоя программы, в комнату вбежала младшая внучка — четырех- или пятилетняя Ирочка. Немного постояв и посмотрев, что они делают, она развела ручками и уверенно заявила: «Дед! А ты его просто перезагрузи!» Когда папа приходил на кухню, то каждый из них старался его накормить и угостить чем-нибудь, с их точки зрения, самым вкусным. Особенно трогательно было смотреть, как только недавно научившаяся ходить Ирочка прибегала в кухню, открывала холодильник и торопливо начинала для деда накрывать на стол. Ему это было очень приятно.

Словом, жизнь шла своим чередом. Взрослые — работали. Как и прежде, обедать папа приезжал домой. Дома для него всегда были приготовлены завтрак, обед и ужин. Когда бы он ни возвратился с работы домой — днем на обед или вечером после работы, как правило, кто-нибудь да был дома — старшие внуки-школьники, а потом — студенты, а в первое время и Марина. Так совпало, что в первые годы после маминой смерти Марина временно не работала, находилась в отпуске по уходу за маленькими детьми, и днем, как правило, бывала дома. Вечером же собирались все вместе. Так что папа всегда приходил в «живой» дом, и это было очень важно.

Домашние праздники

Как и прежде, при маме, у нас всегда отмечались дни рождения, а поскольку народу в семье много, то получалось, что праздники у нас бывали почти каждый месяц.

Папа очень любил домашние праздники, когда вся семья собиралась вместе за праздничным столом или у Новогодней елки. К дням рождения и по случаю Нового года он всегда старался подобрать какие-нибудь интересные подарки. Ну а к 8 марта всем женщинам нашей семьи папа обязательно дарил цветы.

В свою очередь, сам папа очень радовался каждому преподнесенному ему подарку. Всегда очень благодарил, внимательно его рассматривал, изучал и, если это было возможно, сразу «пускал в дело».

К общим праздникам — папиному дню рождения, Новому году и другим, мы готовились вместе всей большой семьей. Мы с Мариной готовили угощения, дети в меру своих возможностей помогали готовить, убираться, накрывать на стол. Когда же праздновались дни рождения других членов семьи, то основная готовка падала на мои или на Маринины плечи, в зависимости от того, из чьей семьи виновник торжества. Остальные помогали. Традиционно у нас пеклись пироги, торты, покупная выпечка не признавалась. Готовились салаты, горячие блюда. А поскольку готовили вместе, то получалось всего очень много, так что со временем даже пришлось вводить «мораторий» на количество блюд — с каждой стороны допускалось только по одному торту и не более 2-х салатов. Меню ориентировочно согласовывали, чтобы не было дублирования. Во время готовки дети роились вокруг и под предлогом помощи старались ухватить по пути что-нибудь вкусненькое.

Праздновали дни рождения всегда «день в день», так что садились за стол, когда все возвращались с работы. «Малышня» обычно поджидала возвращавшихся домой членов семьи, бегая по прихожей, либо «свисая» с установленной там шведской стенки. Каждого вновь пришедшего они радостно приветствовали и поторавливали, стараясь тем самым приблизить долгожданный момент начала праздника — поздравления именинника, вручение ему подарков и праздничное застолье. Помню, как маленький Петя, Маринин сын, встретив в прихожей только что вернувшегося с работы деда, кричал: «Деда, деда! Давай поскорее — уже пора День рождения кушать!»

Обычно к нам на дни рождения приезжали сами по себе или со своими семьями брат Шурик, наша двоюродная сестра Ирина, дочь покойного папиного брата Севы. Иногда из подмосковного Пушкино приезжали дети покойной папиной сестры Тани — наши двоюродные брат Борис и сестра Ляля. Добираться им было не так просто, поэтому они бывали не всегда. Специально на дни рождения мы никого не приглашали, если же кто-нибудь из друзей приходил, вспомнив об этом событии, то гостям всегда были очень рады. Таким образом, на каждый праздник за столом у нас собиралась большая дружная компания.

Главенствовал на празднике папа. Вернувшись с работы, он еще в прихожей, вдыхая с удовольствием аромат печеного и жареного, отмечал, что очень вкусно пахнет тортом и пирогами. Подарки имениннику вручались в нашей столовой, когда вся семья была уже в сборе и праздничный стол накрыт. Их все рассматривали, комментировали, испытывали. Папа фотографировал или снимал на «видео». После этого начиналось застолье. Папу мы усаживали во главе стола, и он всегда произносил первый тост, конечно, кроме тех случаев, когда сам

бывал виновником торжества. Папа с удовольствием пробовал все угощения, вина, всего понемногу, чтобы никому из готовивших не было обидно. За столом всегда шла оживленная беседа, все делились какими-нибудь новостями, впечатлениями от поездок, походов, посещения каких-нибудь мероприятий или просто о чем-то болтали друг с другом, наслаждаясь общением. Папа вспоминал «былое» — рассказывал о своем детстве, юности, молодости, о разных забавных случаях. Он очень увлекательно рассказывал о своих командировках, о каких-нибудь замечательных научных открытиях... Всем было очень интересно, весело и приятно.

Дети, отведав «вкусенького» и устав сидеть за столом, «вырывались на волю». Выплескивая накопившуюся энергию, они начинали носиться вокруг, лазать под столом, затевали какие-нибудь игры и «испытывали» подарки. Наши собаки, с лаем бегая по комнате, тоже принимали активное участие в их веселье. Со временем и взрослые, выбравшись из-за стола, присоединялись к детям или устраивались где-нибудь поудобнее для беседы. Потом все вместе смотрели фотографии, слайды, видеофильмы и старые домашние кинофильмы. После чего папа всю компанию фотографировал.

Кульминацией торжества был «именинный пирог» (торт) с чаем. Это было главным угощением праздника.

Торты у нас всегда были большие, круглые, нарядные, украшенные фруктами, ягодами и орехами. Один их размер уже создавал ощущение торжественности. Выпекались они в специальных, очень удобных для этой цели больших круглых формах, которые когда-то давным-давно, более 40 лет назад, купила мама в только открывшемся тогда на площади Гагарина магазине «1000 мелочей». Эти формы у нас очень активно использовались для тортов, пирогов и для пищи. К приготовлению тортов относились творчески — пекли, начинали и украшали их не по строго заданному рецепту, поэтому в каждом из них всегда присутствовал элемент новизны. Готовые и украшенные торты ставили на накрытый стол только тогда, когда наступало время пить чай. А пока они красовались где-нибудь в сторонке и вместе с уже подаренными и расставленными в вазах цветами и тихо играющей приятной музыкой создавали своим видом и ароматом праздничную атмосферу. Проходившие и пробежавшие мимо дети, да и взрослые, любовались ими, разглядывали. Папа, войдя в столовую, тоже всегда восхищенно замечал: «Ух, ты! Какие торты!» И вот, когда наступал завершающий момент торжества и стол был накрыт к чаю, именинный торт водружался в центре и на него устанавливались и зажигались свечи, в соответствии с возрастом именинника. Старшему поколению, возраст которых перевалил за 30, на каждый десяток лет ставилась по одной свечке размером побольше, а на остальные годы — на каждый по маленькой. Некоторое время, притушив немного верхнее освещение, пили чай, любуясь живыми колышущимися язычками пламени свечей именинного торта. И вот наступал долгожданный момент. Кто-нибудь из детей на счет «раз, два, три!» тушил свет и под всеобщий смех, подбадривание, крики «С днем рождения!» и звуки «Happy birthday to you!» виновник торжества, как и положено, старался за один выдох потушить все свечи. Маленьким исподтишка помогали взрослые. В завершение — бурные радостные аплодисменты, после чего вспыхивала люстра. А потом, чтобы никому из малышей не было обидно, все повторялось сначала. Каждый из них тоже очень хотел «задуть свечи». И так, пока все они по очереди ни «задувают», снова и снова зажигали свечи, гасили свет и под всеобщее подбадривание очеред-

ной «мелкий» внук или внучка «задувал». Ну, а потом свечки снимались, торт торжественно разрезался, и начиналось уже «полноценное» чаепитие. Первый кусок клали имениннику, а следующий папе. Папа, приступая к торту, приговаривал: «Т-а-а-к! Попробуем, какой у нас сегодня получился торт!» Если было два торта, то он обязательно хоть по чуть-чуть пробовал оба. Как правило, все торты за праздник не осиливали, и доедали их все вместе на следующий день. Тогда они казались еще вкуснее. Праздник продолжался.

Все этапы праздника папа фиксировал на фото и снимал на видео.

Когда в 1998 году мы праздновали папино 90-летие, то на юбилейном торте решили установить все 90 свечей. Для этого его сделали гораздо большего диаметра, чем обычно, и к тому же — трехъярусным. Эдакую пирамиду. Сооружение было грандиозное! Когда же установили на него все свечки и начали их зажигать, то оказалось, что сделать это не так-то просто. Начинали зажигать с центра, но когда доходили до крайних рядов, то уже зажженные центральные свечки начинали гаснуть. Папа, наблюдавший за этой процедурой, очень весело, даже как бы с радостью заметил: «Ну, конечно! И не будут гореть! Кислорода-то не хватает! Он сгорает, а новый в центр поступить не может!» Зажечь все свечки нам все же удалось. Делать это пришлось совместными усилиями и очень быстро. А папа должен был успеть почти тут же все их задуть.

Заканчивалось празднование обычно поздно. Как правило, где-то вскоре после одиннадцати часов папа желал всем продолжать веселиться, а сам отправлялся к себе. Там он, немного почитав или послушав музыку, готовился к следующему дню, собирался ко сну и ложился спать. Утром, как всегда, надо было вставать в 5 ч 45 мин, делать зарядку, завтракать и ровно в 8 ч 35 мин выходить к поджидавшей его у подъезда машине, чтобы ехать на работу.

Прогулки — погружение в природу (1990–2004 гг.)

«Многие любят природу. Но немногие ее принимают к сердцу, — писал М.М. Пришвин, — и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удается так сойтись с природой, чтобы почувствовать в ней собственную душу».

Во время наших прогулок с отцом по окрестностям дачи в Можжинке я всегда вспоминала рассказ М. Цветаевой «Шарлоттенбург» из ее автобиографической прозы: «...час ходьбы с отцом стоит целого дня с иным скороходом. <...> Отец мой — страстный, вернее — отчаянный, еще вернее — *естественный* ходок, ибо шагает — как дышит, не осознавая *самого* действия. Перестать ходить для него то же, что для другого — перестать дышать. <...>»

На прогулки мы отправлялись около полудня, и утром папа успевал еще поработать за письменным столом с бумагами или на компьютере, а также выполнить кое-какие текущие хозяйственные дела по даче, связанные с огородом, ремонтом газовой колонки, газового котла отопления, водопроводных кранов, душа, туалета и много чего другого.

Прогулки наши длились обычно 3–4 часа, и совершали мы их в любую погоду, независимо от времени года. Зимой — на лыжах, а весной, летом и осенью — пешком. С удовольствием ожидали наступления каждого следующего сезона, в особенностях которого находили свою красоту и очарование. Весной упивались свежей зеленью распускающихся деревьев, красотой цветущих полей и зелеными просторами полей...

В пешие прогулки папа отправлялся обычно в резиновых сапогах, в руках всегда был посох — срезанная им палка из орешника, через плечо — брезентовая сумка-чехол от противогаза, в которой лежали компас, спички, фонарик, нож, маленькая пила-ножовка, складная пила, плащ-накидка на случай дождя. Мы погружались в лес, поля, поляны и как будто растворялись в них, впитывая их запахи, цвета, звуки... Папа много фотографировал.

Были у нас с папой в лесах и полях любимые места, деревья, некоторые из которых были нам уже известны раньше, а некоторые открыты впервые. Окрестности поселка в радиусе примерно 10 км мы исходили с папой вдоль и поперек.

В окрестных лесах и полях у нас были свои ориентиры, каждый из которых имел свое название: «генеральная лыжня», «лисий лес», «земляничная поляна», «Козинское поле», «НЛО», «большая елка», «кудрявая березонька», «ель Бабы-Яги», «кабанья дубовая роща», «лебединое озеро», «страшный домик», «столб 44/45», «окоп», «огнетушитель», «база инопланетян», «Ниагара» и др.

Многие названия мы придумали с папой давно, когда еще бродили по этим местам на лыжах и пешком в годы нашего с Шуриком детства и отрочества, некоторые он придумал вместе с Маринкой, когда она была маленькой, а многие появились уже во время наших прогулок последних лет периода 1990–2004 годов. Когда мы разговаривали между собой о своих прогулках, то близкие порой не понимали, о чем мы говорим, так как у нас выработалась своя «терминология», были свои названия мест.

«Генеральная лыжня» проходила через березовую рощу. Скользя по лыжне, папа «выкатывал» из густого темного ельника на просторную, сияющую белизной стволов и пронизанную солнечным светом поляну березовой рощи и, разведя руками, словно стараясь охватить, обнять ее, восторженно восклицал: «Ах!!!» Березы удивительным образом росли «букетами» — по две, три, четыре и даже, мы насчитали, по пять стволов от одного корня. Летом там было очень много грибов — подберезовиков и опят.

К роще примыкал соснячок, летом полный маслят. Это был «лисий лес», куда папа с Маринкой, когда она была еще маленькой, во время катания на лыжах приносили кусочек сыра и вешали для лисы на веточку молодой сосенки. Во время следующей прогулки они проверяли — съеден он или нет. Это был молодой соснячок, посаженный, верно, в начале 1950-х годов. Зимой там вокруг на снегу обычно было очень много лисьих следов. Как-то, проезжая вместе с мамой и маленькой Маринкой на лыжах мимо этого места, папа объяснил дочери, чьи это следы. А увидев ворону, рассказал басню «Ворона и лиса». Маринке стало жаль ворону, у которой лисица выманила сыр, и тогда они с папой решили, что нужно лисицу подкармливать сыром, раз уж она так его любит, чтобы она не обижала птиц. Это был очень хороший стимул, чтобы Маринке не было скучно ехать так далеко на лыжах.

«Земляничная поляна», — на которой каждое лето было видимо-невидимо ягод, так что в буквальном смысле «некуда ступить».

«Козинское поле» — поле между поселком Мозжинка и деревней Козино.

«НЛО» — поляна, на которой после какого-то урагана были «веером» повалены большие и мелкие деревья. Некоторые — вырваны с корнем, некоторые — обломаны.

«Большая елка» — огромная, раскидистая, осанистая, самая высокая в округе Царица леса. Под ней можно было укрыться даже от самого сильного дождя,

причем не то, чтобы спрятаться, прижавшись к стволу, а спокойно, с комфортом расположиться, как в шалаше.

«Кудрявая березонька» — высокая, стройная, ладная, которая стояла посреди поля, прямо, как в песне: «Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла...» Каждый раз, когда мы проходили по этому полю, то любовались ею: весной — распутившейся легким нежно-зеленым облаком; летом, когда ее сочная зеленая листва, колышущаяся на ветру, поблескивала серебром; осенью — в роскошном золотом наряде и зимой, когда на фоне снега она выделялась четкой графикой рисунка своих изящных ветвей. Папа не раз ее фотографировал, и в один из дней моего рождения подарил ее «портрет». Каждую весну, пока березка была еще маленькой и хрупкой, мы с папой переживали, что ее могут уничтожить или повредить во время вспахивания поля. Но ее красотой любовались, видимо, и трактористы, которые бережно ее объезжали, несмотря на то, что она, безусловно, им мешала.

«Ель Бабы-Яги» — «двуглавая», огромная, растущая на краю мрачного глубокого оврага. Ствол у нее был раздвоенный. Один — толстый, ровный, высокий. Другой — такой же мощный, но изогнутый невероятным образом, «штопором», тоже устремлен ввысь. Когда мы впервые «наткнулись» на нее во время прогулки, папа даже воскликнул: «Ух, ты! Смотри, такого ведь не бывает!»

«Японская» сосна» — одинокая сосна, стоящая вдали от сосновой рощи на крутом берегу Москвы реки, с причудливо изогнутым стволом и ветвями.

«Кабанья дубовая роща», — в которую кабаны приходили за желудями. Вся земля в этой роще была истоптана их копытами и изрыта кабанами, которые выискивали желуди в траве и опавшей дубовой листве. Однажды мы с папой «наткнулись» там на двух кабанов. Один был огромный, второй — поменьше. Ощущение было не из приятных, учитывая, что они славятся своей агрессивностью.

Как-то мы наткнулись на кормушку для лосей. Она была большая, как огромное корыто, выдолбленная из ствола поваленного толстого дерева. Над ней был сооружен навес от дождя и снега, который немного покосился от времени. Видимо, в прошлые годы, когда еще работали лесники, зимой и ранней весной в кормушку клали подкормку для лосей и других зверей, которых там было множество. Местные леса были заповедными, и даже в 1990-е годы там было довольно много диких зверей.

«Лебединое озеро» — так называлась у нас одна огромная красивая лужа, образовывавшаяся по весне на одной из полян леса. В ясную погоду она выглядела как красивое голубое озеро. Когда маленькая Маринка ее увидела во время прогулки, то поинтересовалась, не это ли то самое Лебединое озеро, которое она видела по телевизору. Там же неподалеку мы обнаружили оставшийся после войны блиндаж, который кто-то из детей — маленькая Маринка или Алеша, старший внук Владимира Александровича, назвал «страшным домиком».

Во время зимних прогулок, обычно, я катила по лыжне впереди. Бывало, качу, разворачиваюсь и мне кажется, что я оставила папу где-то далеко позади, немного пробегу назад, а он — тут как тут. Идет себе на лыжах спокойно, ровно и энергично.

Папа очень любил и чувствовал природу. Он как бы подзаряжался от нее энергией, впитывал ее силы. В лесу, в поле, на реке папа чувствовал себя как дома, по-хозяйски. Не в том смысле, что все принадлежало ему, и он ждал, что кто-то другой должен создавать подходящие условия для прогулок и катания на лыжах — прокладывать и расчищать лыжни, тропинки. Он сам брался

за топор, пилу, и мы расчищали от упавших веток и стволов тропинку или лыжню. Для этого у нас с собой были пилы — ножовки, маленький топорик. Папа покупал специально какие-то складные пилы, с «натянутым полотном», которые было удобнее таскать с собой. Кроме нас этим, практически, никто не занимался. Я все шутила: «Расчисткой лыжни занимаются старики да бабы». Приходилось перепиливать даже толстенные деревья. Хорошо, если это был не дуб! Его пилить просто мұка.

Помню, катишь по лыжне, — я обычно бежала впереди, а папа размеренно шел за мной, и вдруг — завал. Тут меня тоска брала — опять пилить. А папа, подъехав, спокойно, по-деловому, даже с удовольствием вытаскивал свою пилу и брался за дело. При этом он не заставлял меня и не уговаривал тоже пилить, совершенно искренне предлагал мне, если мне не хочется заниматься расчисткой, то отдохнуть или покататься, пока он работает. Но не могла же я стоять, сложа руки, или оставить его трудиться одного. Я тоже бралась за пилу. Когда мы встречали завал из особенно толстых деревьев, которые нашими пилами не одолеть, то оставляли их до следующего раза, когда возьмем с собой двуручную пилу. И в следующий раз приезжали уже с двуручной пилой. А отодвигали с лыжни эти толстенные стволы мы с помощью палок. «Великое изобретение человека — рычаг!», — говорил папа, и мы, вооружившись хорошими длинными и крепкими палками, помаленьку-помаленьку сдвигали эти бревна. Очень много пил поломали мы на этом деле.

Но однажды случилось чудо. Это было уже в самые последние годы наших лыжных прогулок! Едем мы с папой по лыжне и вдруг видим — самые ужасные завалы из огромных деревьев, которые папа собирался «одолеть» и на которые я смотрела с содроганием при одной лишь мысли, что их придется перепиливать, — расчищены! Причем распилены деревья бензопилой. Папа с удовольствием заметил: «Вот видишь, народ воспитывается». Мы были очень благодарны людям, расчистившим этот завал.

Расчищали мы с папой и новые тропы, когда на прежних затевалось вдруг строительство какого-нибудь поселка или образовывались свалки мусора. Папа всегда с большим интересом смотрел на строящиеся поселки. У него не было раздражения — мол, — «застраивают...». С сожалением и сокрушением реагировал он на помойки, свалки, которые образовывались в лесу и на полях.

В начале лыжного сезона прокладывали лыжню — не ждали, когда кто-нибудь другой это сделает. Папа делал это с удовольствием и потом очень радовался, когда ее осваивали другие лыжники и звери. Люди были консервативны, они предпочитали хоть и менее удобные, но старые, привычные лыжни, звери же делали это моментально. На вновь проложенной лыжне на следующий же день появлялись собачьи, заячьи, а подальше еще и лисьи следы. Папа шутил в таких случаях: «Оказывается, звери “умнее” людей. Они тут же осваивают новое». Иногда лыжню пересекал след лося — крупный, глубоко вдавленный, с широким шагом.

Как-то папа затеял составление карты-схемы окрестностей, где мы гуляли: тропинок, просек, лесных дорог, по которым, видимо, лесники ездили за дровами, наших «заветных» мест. Для этого у нас был компас, и еще папа купил шагомер, с помощью которого мы приблизительно измеряли расстояние. Тогда еще не было GPS. Сохранился, к сожалению, лишь только первый приблизительный набросок такого плана.

Папа всегда с нетерпением ждал первого снега, и особенно того, который «ляжет на зиму».

Вдруг проснешься — рассвело.
За окном белым-бело!
Серебром покрыты ели,
Липы жемчуга надели,
В белом кружеве ольха,
Перламутр — облака,
Лужиц белое стекло,
Все вокруг — белым-бело!
Прибралась Зима-хозяйка.
Воробьев веселых стайка
Чистит перышки в снегу,
А Декабрь на бегу
Снегом обновил забор,
Вывел на окне узор.

В таких случаях папа всегда радостно приветствовал утром: «Смотри — какая красота, первый снежок!», а когда это было уже к декабрю или в декабре: «Снегу-то нападало! Наверное, ляжет».

Начинали готовиться к лыжному сезону с осени. Во время прогулок расчищали тропы — будущие лыжни. Ходили на прогулки в любую погоду: в снег, в дождь, если он не очень сильный. Как-то уже поздней осенью, когда уже был снежок, правда, недостаточный еще для лыж, во время прогулки нас с папой застала такая метель, что мы думали, что заблудимся.

Куда ни кинешь взгляд — веселый снегопад
Завесил плотным тюлем дома, дорогу, сад...
Сквозь общее смятение и белое кружение
Шагаем наугад, все чаще — невпопад.
В какое-то мгновение, вдруг, родилось сомнение —
Туда ль бредем? Не ясно! Вперед или назад?

Я и вправду забеспокоилась, что мы можем заблудиться, ведь ничего не было видно. А папа даже развеселился: «Это надо же, как сыпет! Глядишь, и на лыжах можно будет кататься». А потом добавил: «Не волнуйся, не погибнем, вряд ли он будет идти несколько суток. Главное не стоять, чтобы не замерзнуть. Дороги тут недалеко, на какую-нибудь да выйдем, к тому же у нас есть компас».

Папа всегда замечал и эмоционально реагировал на красоту окружающей природы. «Посмотри, какой денек! Солнышко, иней. Пошли поскорее, я хочу успеть поснимать — может, удастся сфотографировать иней».

Утром папа успевал позаниматься и поделывать свои дела, пока я собиралась и готовила еду, чтобы сразу по возвращении пообедать. Папа не мог долго терпеть голода, у него начинала болеть голова. Он рассказывал, что это было у него с молодости, наверное, с голодных лет. Он даже по дороге с работы домой покупал какую-нибудь булочку или хлеб, чтобы «заморить червячка».

На прогулку мы обычно выходили прямо на лыжах с участка, переходили поселковую дорогу и вдоль забора участка Арцимовичей через лесок выходили на линию электропередач. Вдоль нее шла лыжня на Козинское поле. Если же ее пересечь, то попадали на «Овсяное поле», а потом, пересекая бывшую «столбовую дорогу», — в лес, который тянулся до теперешнего Новорижского шоссе, а затем и дальше.

Маршрут мы выбирали в зависимости от погоды. Когда было пасмурно и ветрено, основной путь прокладывали по лесу таким образом, чтобы на обратном

пути, когда приходилось идти по полю, ветер преимущественно дул в спину. В солнечную погоду мы выбирали маршрут через Козинское поле.

Синим кружевом на снегу — тени веток переплетенья,
 Позолоты вуаль там и тут — легкой кисти прикосновенья,
 Щедро брошенная Зимой горсть алмазов — венец убранства,
 Голубая лыжня змеей, извиваясь, скользит в пространство.
 Поворот... и — сияние дня ослепляет сверканием снега,
 Белизною, покрывшей поля, и лазурью бескрайнего неба!
 Распахнулась душа, и паря — улетаю в мираж горизонта!..
 Обжигает мороз января, перемешанный с золотом Солнца!..
 Снова лес... и опять синева — сказка зимняя веток пушистых.
 Отпечатанный, будто слова, белки след на прогалинках чистых.
 Елка ввысь устремилась стрелой, как хрусталь ветвь березы искрится.
 Ветерок потревожил покой, и вспорхнул легкий иней Жар-птицей!..

Иногда мы возвращались когда уже смеркалось, и когда начинало мести, то шли почти вслепую, ориентируясь лишь по еще слегка видной лыжне или на какой-нибудь огонек...

Застужило, завьюжило, заснежил нас Февраль.
 Сейчас бы в избу теплую и завернуться в шаль,
 Включить тихонько музыку и книжку почитать ...
 Заснежило, застужило, завьюжило опять!
 Бредем лыжной засыпанной, лицо сечет пургой,
 На огонек, что теплится у леса за рекой.

Весной, когда начинало пригревать солнышко — мы любили кататься по полям... Свежий теплый ветерок, опьяняющий запах талого снега, пригревающее солнышко, ослепительный снег и бескрайнее бирюзовое небо!

Зазвенело, зажурчало, засияло во сто Солнц
 В снеге, лужах, каплях, льдинках, бликах окон и оконц.
 Ослепляя, оглушая, учащая стук сердец,
 Пробуждая все живое Март пришел к нам, наконец!

На лыжах мы катались иногда до первых чисел апреля. А потом переходили к пешим прогулкам. Меняли лыжи на резиновые сапоги, брали в руки посох — палку, вырезанную папой из ровных стволов орешника. Папина палка — помассивнее, а моя — более изящная, потоньше.

Палки мы стали брать после одного случая, когда нам пришлось долго пробираться по глубокому снегу. Когда вышли, еще был наст. Было очень приятно идти по ровному, не вытопанному, чистому насту. Но потом потеплело, и наст стал проваливаться. Мы утопали в снегу по колено. Идти было очень трудно. Быстро выбились из сил. Тогда папа нашел палки, и нам стало гораздо легче идти. Он тогда со смехом продекламировал: «Обезьяна превратилась в человека, когда взяла в руки палку».

Когда же снег стаял, то мы бодро шлепали по лужам, по талой земле, старой траве. Любовались просыпающейся, оживающей природой.

Папа хорошо знал многие растения, следы и повадки зверей, голоса птиц. По дороге рассказывал, комментировал. Весной папа обращал мое внимание на ставшей «сиреневой» кромку леса, посветлевшую хвою елей и сосен, любовались мы серебристыми звонкими ручьями. Был у нас даже свой маленький водопад — «Ниагара», высотой около полутора метров. Старались не пропустить ледоход на Москве-реке.

Птичий щебет, свист и трели.
Искры зелени на ветках.
На проталинке у ели
Глаз веселый первоцвета.
Серебром переливаясь,
Ручеек бежит вприпрыжку,
Озорно перекликаясь
По пути с капелью с крыши.
Талым снегом опьяненный
Свежий ветерок Апреля
Над березкою склоненной
О любви поет свирелью.
Посветлели ель с сосною,
Улыбаясь теплу, свету,
И дурманит запах хвои,
Прелых листьев с того лета...

А к маю начинала распускаться листва. В нежных светло-зеленых облаках стояли березы. Наша же Березонька, пока еще не выросла большой, как нежно-зеленый воздушный шарик, раскачивалась на ветру, удерживаемая ее тонким стволом — «веревочкой». Зацветала черемуха...

Май — взлетает облаками
Нежной зелени березы...
Та же тонкими ветвями
Ловит их, роняя слезы,
В синеву взмыть не пускает
С ветерком умчаться вместе...
И заботливо качает,
Напевая им о Лете.

Летом — лес, Москва-река, грибы, ягоды и красота полей...

Расплескало щедро небо голубое
В зелень малахита лазурь с бирюзой,
Освежая в вихре вальса лугового
Праздник разнотравья нежной синевой.
У тропы цикорий звездочкой небесной,
Колокольцев стайка, незабудок рой...
Дивные узоры на ковре чудесном:
Розовый, лиловый, синий, голубой...

Когда мы с папой уже исходили все места поблизости, в радиусе 10 км, мой муж стал завозить нас с папой на машине куда-нибудь подальше — к Саввино-Сторожевскому монастырю, на Николину гору, к деревне Ларюшино, и мы через поля, леса, как «заброшенные кошки», возвращались домой.

Осенью, когда происходила смена сезонов, любовались красотой, радовались всякой погоде.

В Сентябре уж Осень подбирает кисти,
Тронув на березе позолотой листья,
Охрой луг подкрасив, брызнув на рябину,
Зачерпнув побольше жаркого рубина.
В Октябре — закрасит все пейзажи лета.
Будут лес и поле в золото одеты,
Вспыхнут языками пурпура, багрянца,
И листву закружит ветер в вихре танца...
Вальс, фокстрот и танго плавные движенья
Закружат танцоров до изнеможенья.
И ковром роскошным землю устилая
Отдохнуть прилягут праздник вспоминая.

Только Ель с Сосною
Кисти не подвластны —
В зелени покоя
Круглый год прекрасны.
В Ноябре закончен бал осенних танцев.
Дождь холодный смоем пышное убранство,
В графике рисунка грусти непогоды
Для Зимы оставит полотно природы.

В последний год, когда папа неважно себя чувствовал и у него был нарушен сон, он для того чтобы заснуть мысленно путешествовал по нашим местам: по полям, лесным тропам, дорогам, вдоль реки...

Когда по каким-либо причинам не было возможности поехать на дачу, мы гуляли в парке рядом с нашим домом на Звенигородской улице в Кунцево. Проходили весь парк вдоль Москвы-реки от плотины в районе Гребного канала (выше Крылатского по Москве-реке) до завода им. Хруничева (на уровне станции метро Багратионовская). Ходили пешком на Поклонную гору, ездили на метро в Центр. Папа очень хотел посмотреть, что было сделано на Манежной площади. Ему часто приходилось проезжать мимо, но все не было времени пройти по этим местам пешком. Ходили в Третьяковскую галерею. Там он меня поразил своим знанием русской живописи и собраний галереи. До этого в разговорах со мной он как-то о живописи не рассуждал.

Одежда

Одевался папа всегда очень легко. Его зимняя одежда приводила всех в ужас. Даже смотреть на него было холодно. Поздней осенью и зимой он ходил на прогулки в резиновых сапогах, надетых на тонкие хлопчатобумажные носки. У папы была своя «теория»: в обуви главное — хорошая теплая стелька, а одеваться надо очень легко, чтобы не вспотеть. Очень важную роль играет шарф. Он приводил в пример японцев, которые зимой могут ходить без пальто, в одном пиджачке «с сугробом на голове», но обязательно повязывают шарф. У него было одно зимнее пальто, которое он категорически отказывался носить — «жутко теплое и тяжелое», и зимой в городе ходил в демисезонном пальто, которое было очень легким и продуваемым, как решето. Все окружающие смотрели на это с содроганием. У меня был постоянный комплекс вины. Когда мы как-то предложили ему купить легкую дубленку, его возмущению не было предела: «Ну, вот еще придумали! Дубленку! Жарища какая! И не вздумайте, ни за что не надену! Если нравится, носите сами». Так до конца своей жизни он и ходил зимой в демисезонном пальто. За городом на лыжах или во время пеших прогулок по полям и лесам носил брезентовую штормовку поверх ковбойки или, если очень холодно, поддевал свитер. Теплую куртку надевал только в сильный мороз при спокойных прогулках. В зимних головных уборах он считал главным, чтобы шапкой была прикрыта верхняя часть ушей, тогда они не отмерзнут. А вот руки зимой у него мерзли, и он носил меховые варежки.

По поводу его зимней обуви мы шутили, что это он, будучи аспирантом, в походе «босиком по ледникам Кавказа» так закалил свои ноги, что они у него практически не мерзли.

Зимой, в гололед, чтобы сапоги не скользили, он сделал себе «шипованные сапоги» — просверлил в каблуках отверстия (не насквозь, конечно), выточил из толстых гвоздей шипы, соответствующей длины. И у него, как на автомобилях,

зимой была «шипованная резина» — он вставлял шипы, а с весны «летняя» — шипы вынимались. Только уже в последние годы, когда появилась замечательная канадская обувь со специальной подошвой, которая не скользит, мы уговорили папу отказаться от его изобретения и перейти на «всепогодную резину».

К одежде, в которой папа ходил на работу или на какие-нибудь официальные мероприятия, он относился очень ответственно, считал, что окружающим неприятно иметь дело с неопрятным человеком. Поэтому он всегда следил, чтобы рубашка была чистая, а костюм — в порядке. При этом он ни от кого ничего не требовал. Если я по какой-либо причине «прозеваю» момент, когда надо почистить костюм, погладить брюки или пришить какую-нибудь пуговицу, то он, чтобы никого не беспокоить, спокойно, без обид или какого-либо раздражения делал это сам. Как я говорила: «С тобой только зазевайся!»

Ходить по магазинам, кроме книжных или тех, в которых продавался инструмент, радиодетали, что-либо для мастерства или спорта, он не любил, да и времени на это не было. Шить одежду в ателье наотрез отказывался. Как-то в годы, когда папа был уже академиком, а в магазинах было плохо с одеждой, мама уговорила его заказать пальто в ателье Академии наук. В результате, после многократных примерок был сшит костюм, который носить было невозможно, а отказаться от него было неудобно. Костюмы он покупал обычно в магазине фабрики «Большевичка». Шили они из хорошего материала, и сидели костюмы на нем очень хорошо.

В последние годы папиной жизни мода и стиль одежды изменились, изменилась у него и фигура. В результате, мы никак не могли подобрать ему костюм. Один из знакомых сотрудников Академии наук посоветовал заказать костюм прямо на фабрике и рассказал, как это можно сделать. Он и его коллеги часто так делали и очень были довольны, — получалось недорого и прекрасного качества. После долгих уговоров мы с папой туда отправились. Ждать долго там не пришлось. Нас провели в зал, где вывешены готовые модели, показали коллекцию имеющихся у них тканей. Из готовых костюмов подобрать мы ничего не смогли. Тогда пришел закройщик, снял несколько мерок — всего-то 4 или 5 и сказал, когда можно приехать за костюмом. Никаких примерок! Папа с сомнением покачал головой, мол, зря, наверное, потратили время — получится какая-нибудь ерунда. Когда приехали получать, примерили — костюм сидит идеально. Папа восхищался закройщиком: «Надо же какой талантливый мастер — сшил с одной примерки, и костюм так замечательно сидит!» Папа очень благодарил закройщика. Он уважал «мастеров своего дела». Дома я его уговорила заказать второй костюм. Все было как в сказке — костюм заказали по телефону (мерки у них были), и он сидел не хуже первого. Папу больше радовали не сами костюмы, а то, что он встретил такого замечательного мастера. Он потом рассказывал знакомым, какие бывают прекрасные мастера и какая замечательная наша фабрика «Большевичка».

Раньше мне казалось, что папа не обращает внимание на одежду — модная или не модная, идет или не идет. Но однажды я с удивлением убедилась в противоположном. Произошло это в Германии, ему тогда был 91 год, когда мы ездили получать присужденную ему премию Фонда Эдуарда Райна. В свободное время пошли в магазины — он хотел купить подарки и кое-что себе — берет, галстук и хороший ремень. Я с удивлением наблюдала, как он тщательно подбирал галстук к костюму — по рисунку, по цвету, чтобы все гармонировало и соответствовало ситуации, в которой придется это носить. А потом, когда

я выбирала себе шляпу, примеряя по очереди разные модели, — он очень точно определил, что мне идет и что — не очень, и какая шляпа лучше всего гармонирует с моим плащом.

На концерты фестиваля камерной музыки — «Музыкальные вечера в Мозжинке», который с 1992 года каждое лето организует известный пианист, народный артист РФ Тигран Абрамович Алиханов, он всегда одевался парадно — светлая рубашка, чистый, выглаженный летний костюм.

Концерты эти всегда были очень высокого уровня и, можно сказать, уникальные. Наряду со звездами первой величины, выступали молодые талантливые студенты и выпускники Московской консерватории. По изысканности программы и уровню исполнителей эти фестивали — уникальное явление, которому могла бы позавидовать любая столичная сцена. Концерты — бесплатные, и проходили они во второй половине августа в гостиниой Мозжинского клуба (филиала Дома Ученых).

Папа всегда с удовольствием посещал почти все концерты. Он с большим интересом слушал увлекательные рассказы-комментарии Тиграна Алиханова, посвященные исполняемым произведениям, а после концертов всегда подходил к музыкантам, тепло благодарил и беседовал с ними. Обстановка на концертах «демократичная», кто-то приходит принарядившись, а многие — в спортивных костюмах или в прогулочной одежде и в кроссовках. Папа же обязательно готовился к фестивалю. Он заботился, чтобы его летний костюм не забыли вовремя сдать в химчистку. Приходил на концерты он обязательно в чистом отглаженном светлом костюме и гармонирующей с ним рубашке. Как-то получилось, что с химчисткой возникла заминка, и была вероятность, что получить вычищенный костюм к открытию фестиваля не успеем. Тогда мы стали успокаивать его — мол, ничего особенного, на концерт можно пойти в спортивном костюме и кроссовках, как делают некоторые. Он наотрез отказался: «Надо уважать артистов! Они специально готовятся, приезжают к нам, играют. Думаю, им приятно видеть, что для слушателей этот концерт — праздник. Они же на свое выступление надевают парадную одежду!» К счастью, в конце концов, все обошлось — костюм из чистки успели получить вовремя.